УДК 82
DOI 10.52452/2658-7475-2026-2-30-61-71

ОБРАЗ ЮРИЯ КОЧЕВИНА-ОЛЕШИНСКОГО В РОМАНЕ В.А. ЛЕБЕДЕВА «ИСКУПЛЕНИЕ»

© 2026

Р.Е. Тубылевич

Тубылевич Руслана Евгеньевна, SPIN-код: 7979-9967, ORCID: 0009-0008-0984-357X, преподаватель, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Российская Федерация, 167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, д. 55), tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 29.04.2026
Статья принята к публикации: 17.06.2026

Статья продолжает серию публикаций автора, посвященных рецепции образов и эпизодов древнерусской литературы в исторических романах 40–90-х годов XX в. На материале летописной «Повести о Митяе» исследователь обращается к образу боярина Дмитрия Донского – Юрия Васильевича Кочевина-Олешинского – и его интерпретации в историческом романе ленинградского писателя В.А. Лебедева «Искупление» (1980). Сам факт провала возложенной на главу посольства миссии по возведению ставленника московского князя на русскую митрополию, а также неоднозначные образы участников этого посольства в летописной «Повести о Митяе» во многом повлияли на их интерпретацию в исторических трудах и художественной литературе XIX–XX в. В исторических романах С.П. Бородина «Дмитрий Донской» (1941) и Д.М. Балашова «Святая Русь» (1997) Кочевин-Олешинский становится эпизодическим персонажем, вина которого объясняется ленью и привычкой к безбедной жизни (Бородин), а также сословными амбициями (Балашов). В. Лебедев, напротив, углубляется во внутренний мир героя, высвечивая его через призму ключевых для произведения мотивов: «плоть», «неверие» и «грех», что обусловлено самой проблематикой социально-психологического романа.

Ключевые слова: А.В. Лебедев, «Искупление», исторический роман, летописная «Повесть о Митяе», Юрий Кочевин-Олешинский.

Изображение исторических событий и их героев в художественной литературе неизменно привлекает внимание исследователей. Со-

здано большое количество исторических и филологических работ, посвященных этой проблеме [Пашуто 1963; Моисеева 1980; Державина 1990; Конюхов 1997; Почекаев 2010, с. 177–183; Пауткин 2015; Завьялова 2022; Андреева 2024; Тубылевич 2024]. В нашей статье мы обращаемся к интерпретации образа одного из бояр князя Дмитрия Донского в историческом романе ленинградского писателя В.А. Лебедева (1934–1981) «Искупление» (1980).

Боярин московского князя Дмитрия Донского Юрий Васильевич Кочевин-Олешинский упоминается в летописях как глава русского посольства 1379 г. в Константинополь. Целью этой поездки было избрание на русскую митрополию ставленника московского князя архимандрита Михаила (Митяя), выдвинутого вопреки устоявшейся традиции (вместо авторитетного церковного иерарха – быстро возвысившийся «новичок»). Однако она так и не была достигнута: претендент умер в дороге, а митрополитом без согласования с великим князем стал сопровождавший Митяя переяславский архимандрит Пимен. Это вызвало гнев Дмитрия Донского и на нового митрополита, и на членов неудачного посольства: «У одних послов он "конфисковал имение, других сослал в ссылку, иных посадил в тюрьму и подверг телесному наказанию, а некоторых предал и смертной казни" <…> Старейшина посольства боярин Юрий Кочевин понес главную ответственность за все происшедшее – возможно, именно он и лишился головы» [Скрынников 1990, с. 75]. Впоследствии, как пишет А.В. Кузьмин, «в XV в. потомки Ю.В. Кочевина-Олешинского уже не были боярами в Москве. В первой половине XVI в. Кочевины – всего лишь рядовые служивые дети боярские и вотчинники, не входившие <…> даже в состав Государева двора» [Кузьмин 2015, с. 21].

Об этом неудачном посольстве в Константинополь повествует летописная «Повесть о Митяе», которая делится на три редакции. Первая, по датировке Г.М. Прохорова, была создана в конце XIV в. и представлена в Рогожском летописце, Симеоновской и Троицкой летописи. Вторая возникла в XV в. и сохранилась в Московском летописном своде конца XV в., Ростовской, Типографской и Воскресенской летописях. Наконец, третью редакцию включает Никоновская летопись [Прохоров 1976, с. 238–239]. Она была создана в результате компиляции двух предыдущих редакций и их дополнения. В ней появляется много новых подробностей, в частности, важное предположение об убийстве Митяя его сопровождающими: «Инiи глаголаху о

Митяи, яко задушиша его; инiи же глаголаху яко морьскою водою умориша его, понеже и епископи вси, и архимандриты, и игумены, и священницы, и иноцы, и вси бояре и людiе не хотяху Митяа видѣти въ митрополитехъ» [Полное собрание 1897, с. 40]. По мнению Г.М. Прохорова, это меняет идеологическую направленность повести: «Конфликт князя и церкви, в котором неправ князь, сменился конфликтом князя и его подданных (в том числе и церкви), на которых падает подозрение в убийстве княжеского любимца» [Прохоров 1978, с. 128].

Полемическую природу этого текста отмечали В.Л. Комарович, Г.М. Прохоров, А.А. Турилов и другие исследователи. По их мнению, на восприятие образов русских послов, по большей части лишенных ярких характеристик, оказывают влияние их поступки. Как пишет Г.М. Прохоров, «чтобы виновными в совершенных преступлениях оказались сами послы, а не князь ("перводвигатель"), автор не мотивирует их поведение» [Прохоров 1978, с. 162]. В историографии предпринимались попытки представить их возможные мотивы: «самовольство» и честолюбие (Н.М. Карамзин), личная выгода (П. Соколов), интриги византийцев (Е. Голубинский); исполнение воли Дмитрия Донского и следование политической линии Москвы, которая не должна была остаться без своего митрополита (И.Б. Греков) [Прохоров 1978, с. 129–136]. Соответственно послы в работах историков представали то простыми исполнителями чужой воли, то «заговорщиками» и «авантюристами» [Прохоров 1978, с. 101].

Их предводитель – Юрий Кочевин-Олешинский – упоминается в повести среди лиц, сопровождающих кандидата в митрополиты: «А се бояр: Юрий Василиевич Кочевин-Олешеньскый, то есть болший боярин, тоже и посол князя великаго, тому и старейшиньство приказано» [Прохоров 1978, с. 222]. В дальнейшем он никак себя не проявляет, особенно по сравнению с наиболее яркими героями памятника – самим Митяем и его противниками: суздальским архиепископом Дионисием, переяславским архимандритом Пименом и Иоанном, первым архимандритом Высоко-Петровского монастыря Русской православной церкви в Москве. В дальнейшем именно провал возложенной на Кочевина-Олешинского миссии, а также отсутствие какой-либо другой информации о нем в источниках (за исключением фрагмента о наказании послов московским князем) повлияли на его образ в художественной литературе.

Перед обращением к образу боярина Кочевина-Олешинского в историческом романе В.А. Лебедева «Искупление» (1980) отметим, что он нечасто встречается в литературе, а если это и происходит, его сюжетная линия и амплуа остаются в рамках заданных его ролью в «Повести о Митяе». Например, он упоминается в исторических романах С.П. Бородина «Дмитрий Донской» (1941) и Д.М. Балашова «Святая Русь» (1997). В «Дмитрии Донском» история неудачного посольства в Константинополь является одним из эпизодов политики московского князя в деле национального объединения и укрепления Руси. Читателю раскрывают предпосылки посольства и знакомят с его результатом. Писатель пытается объяснить провал миссии, возложенной на Кочевина-Олешинского, и от лица московского князя характеризует провинившегося: «А боярин Кочевин куда смотрел? Ожирел, заспался. А я думал – книжен, велеречив, учен, доглядит. Вот и учен, а делу враг. Проморгал» [Бородин 1979, с. 268]. Придуманная автором характеристика героя перекликается с описанием самого Михаила-Митяя в тексте повести о нем: «словесы речист <…> грамоте горазд <…> книгами говорити горазд» [Прохоров 1978, с. 219]. Возможно, С.П. Бородин, при создании романа обращавшийся и к древнерусским летописям, решил «позаимствовать» эти черты для своего героя [Бородин 1976, с. 528–529]. При этом перечисленные качества Кочевина-Олешинского неоднозначны. Если положительно можно трактовать эпитеты «книжен» и «учен» (образованность и опытность), то характеристика «велеречив» может говорить не только о его способности к красноречию, но и о склонности к «краснобайству» [Евгеньева 1999, с. 146]. В этом описании, на наш взгляд, заметны и отголоски выведенного в романе социального конфликта между князем (и его окружением) и народом [Андреев 1962, с. 156]. Поэтому и образ именитого боярина выглядит иронически: он теряет деловую хватку вследствие привычки к безбедной придворной жизни. Инертный герой, каким он предстаёт в этой характеристике, противопоставлен самому Дмитрию Донскому, изображённому в романе как деятельный хозяин и собиратель земель русских.

Д.М. Балашов, создавая цикл «Государи Московские» (1975–2000), учитывал значительный научный материал об эпохе Дмитрия Донского и дополнял его собственными гипотезами. Так, ос-

новываясь на данных генеалогии, писатель предположил, что имеющий литовские и старомосковские корни герой мог испытывать сословную ревность по отношению к протеже Дмитрия Донского: «Старейшинство приказано было послу Юрию Васильевичу Кочевину-Олешинскому. Двойная фамилия не знак ли некоего выезда из Литвы, при котором род западно-русских выходцев скрестился с родом старомосковским, родом того самого боярина Кочевы, при Калите громившего Ростов Великий? И не в этом ли роду позднее явились Поливановы, один из которых стал видным опричником Ивана Грозного? А коли так, то мог ли родовитый москвич особенно сочувствовать коломенскому выскочке?» [Балашов 2015, с. 249]. В эпизоде гибели Митяя автор опирается на версию третьей редакции «Повести о Митяе» о насильственной смерти героя. В страшном эпизоде удушения Митяя членами посольства мрачная тень брошена и на их главу, прямо или косвенно участвующего в происходящем: «Митяй рвался изо всех сил, цеплял непослушными пальцами, отрывая от горла чужие персты, хрипел, воздуху не хватало рыкнуть, а те, навалясь, душили, давили его, и чей-то – до того знакомый! – голос (Пимена? Али самого Кочевина-Олешинского?) произнес над самым ухом: "Скорей!"» [Балашов 2015, с. 260]. Впоследствии, несмотря на потрясение («был бледен и хмур») [Балашов 2015, с. 262], Кочевин-Олешинский спорит вместе с другими послами о новом кандидате на митрополию и ратует за выдвижение архимандрита Пимена.

В романах С.П. Бородина и Д.М. Балашова сюжетная линия героя еще остается достаточно сжатой и ограниченной событиями «Повести о Митяе». Образ персонажа авторы углубляют с помощью придуманных или взятых из первоисточника и ранее относившихся к другому лицу характеристик, дополняют гипотезами о мотивах его поступков. В романе В.А. Лебедева роль Юрия Кочевина-Олешинского в сюжете расширена. Для раскрытия его образа автор помещает персонажа в вымышленные сюжетные ситуации, связанные с разными реалиями эпохи (например, с конфликтами между московским и рязанским князьями), с княжеским бытом (совещаниями Дмитрия Донского с его боярами и приближенными). В отличие от других писателей, В. Лебедев углубляется в характер героя, делая попытку объяснить причины той деструктивной роли, которую Кочевин-Олешинский сыграл в неудаче посольства.

Роман В.А. Лебедева «Искупление» О.В. Богданова определяет как социально-психологический. Коллизия романа «сводится к проблемам духовности». Важными категориями образной символики исследователь называет антитетичные пары «дух–плоть», «святость–грех» и «вера–неверие», которые пронизывают все уровни художественного мира произведения, в том числе и систему персонажей [Богданова 2023, с. 245, 247]. Для Кочевина-Олешинского определяющими становятся категории «плоть», «грех» и «неверие».

Первая категория проявляется в портретной характеристике персонажа, где делается акцент на его тяжеловесной фигуре («тучный», «взгромоздил тучное тело», «сидя, он кажется глыбой») [Лебедев 1991, с. 29, 188]. Автор наделяет своего героя и некоторым сходством с крупным животным, которое проявляется в характеристике его внешности («косматый», «глаза выкатил в удивлении», «сальные волосы», «шелудивый»), описывающих его действия выразительных глаголах и деепричастиях («сказал <…> набычась», «прокаркал», «крякнул» и др.) [Лебедев 1991, с. 30, 35, 36, 194, 215, 269]. Монументальность внешнего облика героя резко контрастирует с его «блудливой» походкой («засеменил короткошагой походкой своей блудливой», «будто он только что покрал в поварской подклети кусок гуся», «дрянной походкой, крадучись, просеменил», «блудливая, неверная походка, как у кота-ворюги, – неверные шажки под округлым животом» [Лебедев 1991, с. 29, 36, 269, 310]). На создание комического эффекта направлена и придуманная В. Лебедевым привычка персонажа одновременно в разные стороны чесать голову и бороду обеими руками: «волосы пальцами боронит одной рукой, бороду – другой, будто голову разодрать намерен на части...» [Лебедев 1991, с. 35]. У окружающих она вызывает смех и брезгливость[1].

Для Юрия Васильевича – человека материалистического склада – категория духовности малозначима, в антиномии «вера – неверие» он ближе ко второму полюсу. При выборе между церковным

[1] «"Шел бы ты, шелудивый!.." – в сердцах подумал Бренок, отвернувшись, чтоб не видеть, как зацапал опять он бороду и сальные волосы на голове пальцами.

Монастырев наклонился к уху Бренка, двинул его плечом и кивнул на Олешинского:

– У боярина Юрьи своя чужую гоняет, вишь чешется! – И снова засмеялся, вывалившись на рундук...» [Лебедев 1991, с. 35].

и светским ритуалами для него более весомым становится последний, обеспечивающий стабильность материального положения и продвижение по службе. В частности, это проявляется в комическом эпизоде, когда, заходя последним на княжеское собрание, он пытается поклониться иконам в красном углу (сначала забыв об этом!) и в то же время не оказать слишком много чести человеку, которого он считает ниже себя: «Вспомнив, что не осенил себя крестом, он приостановился лицом в красный угол, поднял глаза к иконам и положил поклон, но тут же смутился и сел под усмешки: в углу, под иконой, восседал Кошка, и кланяться ему велика честь!» [Лебедев 1991, с. 269]. В другой ситуации старается занять наиболее почетное место в княжеском совете, оттесняя других родовитых бояр: «В шатер вошли и степенно расселись: тысяцкий Вельяминов, Акинф Шуба, подсеменил дрянным шажком Кочевин-Олешинский и взгромоздил тучное тело впереди Акинфа Шубы…» [Лебедев 1991, с. 188]. Плывя в Константинополь в окружении священнослужителей, он явно скучает, предпочитая более веселую «мирскую» компанию: «Юрья Кочевин-Олешинский, скучая среди святых отцов и с тоской посматривая на переднюю лодью, где было весело от шуток Федора Шолохова. На той лодье пахло бражным медом…» [Лебедев 1991, с. 298]. Наконец, присутствие глухого к чужим бедам «светского начальника» мешает Митяю раскрыть окружающим охватившую его смутную тревогу: «Хотелось ему позвать к себе самого близкого человека, наследника его старого прихода – Мартина, да передумал: проснется боярин Юрей – слово душевное не обронишь» [Лебедев 1991, с. 296].

Недостаток духовности героя усугубляется и его грехами, главными из которых становятся пьянство, алчность, зависть и гордыня. Последний грех ярко проявляется во взаимоотношениях с людьми ниже его по статусу, например, Михаилом Бренком, высокий социальный статус которого он постоянно отрицает (о чем мы скажем далее).

Персонаж отличается любовью к «медам бражным»[2]. Под их влиянием он клевещет на княжеского воеводу Д.М. Боброка-Волынского («В пасхальные дни, напившись меду бражного, кричал на церковной площади Кочевин-Олешинский, что Боброку в его дворовой кузне сам сатана мехи раздувает…»), требует угощения от Михаила

[2] Интересно то, что эта черта становится определяющей и для эпизодического образа Юрия Васильевича в романе М.Г. Казовского «Страсти по Феофану» (2005).

Бренка в связи с его «повышением», скучает по медам в поездке в Константинополь.

Под влиянием алчности персонаж радеет только о собственной выгоде, прикрываясь заботой об окружающих, как в эпизоде его заступничества за Ивана Вельяминова – участника заговора против Дмитрия Донского[3], или о соблюдении закрепленных веками порядков управления[4]. Так, после взятия Рязани Кочевин-Олешинский активно участвует в разграблении города («боярин Юрья возы оттуда [из Рязани] направлял в вотчину свою. До серебра да злата больно дотошна душа его…» [Лебедев 1991, с. 79]), а после несостоявшегося боя с литовцами призывает грабить обозы, доставшиеся русскому войску: «Обозы побрати надобно, а уж потом отпускать! – хитро прокаркал Кочевин-Олешинский» [Лебедев 1991, с. 194]. Его предложение резко контрастирует с репликами других воинов, демонстрирующими их боевой азарт[5].

Персонаж не только не упускает собственной выгоды, но и с завистью подсчитывает чужую. Размер ее может быть различен: от удачной охоты[6] до продвижения по службе. Последнее у него вызывает особые ожидания. Так, желая уколоть Михаила Бренка, не по

---

[3] «"Ваньку Вельяминова, сына Васильева, живота не лишати, но посадити в поруб крепкой и держати тамо от рождества богородицы до рождества Христова. Аминь!". Дмитрий выслушал, насупясь. Кажется, он впервые сейчас усомнился в ставленнике своем: не брал ли он посул великий златом али мягкой рухлядью от Вельяминовых за свое митрополичье слово-заступу?» [Лебедев 1991, с. 270]. Для сравнения: к татарскому послу, от которого нужно узнать важную информацию, сразу предлагает применить крайние меры: «Пытать огнем посла! – выкрикнул Кочевин-Олешинский» [Лебедев 1991, с. 76].

[4] «– Нескладно живем, бояре... Коли Тверь не желает под руку Москвы становиться – Москва пусть станет под руку Твери. <…>

– Не гневайся, великий князь, токмо я не уразумел слов твоих, - сказал Кочевин-Олешинский, набычась. – Почто тада Мономах утвердил: каждый да держит вотчину свою!» [Лебедев 1991, с. 214–215].

[5] « – Петух старой, а еще на нас кинулся! - кричал Шуба про Ольгерда.

– Подергать бы перья-та - ведал бы нас! - горячился воевода Свиблов.

– А и то подергали!

– Истинно! Митька Монастырев пораскрошил целый полк!» [Лебедев 1991, с. 193]

[6] «Сказывали мне коломенские люди, что-де ухватили рязанцев на московской земле. Приволоклись те рязанцы на Осетр-реку, к самой Коломне, и наловили те тати рязанские воз бобров карих...

обычаю ставшего из сокольничьего мечником, он интересуется: «Казной-то поверстан? – ткнул Олешинский Бренка кулаком в живот» [Лебедев 1991, с. 35], при этом требует безосновательной благодарности для себя: «Судьба озолотит – свечку Михайле-архангелу поставь, а нам меду бочку! – встрял Кочевин-Олешинский» [Лебедев 1991, с. 36]. В деталях подсчитывает материальные выгоды от налоговой церковной политики митрополита Митяя: «Ныне сборного по шести алтын с каждой церкви имает митрополит, да по три алтына на каждый заезд, да десятиннику, да за въездное… – шуршал Кочевин-Олешинский бородой прямо в ухо Льву Морозову» [Лебедев 1991, с. 270].

Итак, создавая романную версию фигуры Юрия Кочевина-Олешинского, В.А. Лебедев отталкивается от неоднозначных образов русских послов в летописной «Повести о Митяе», а также от самого факта провала главой посольства возложенной на него миссии. Поднимая ряд духовных проблем в социально-психологическом романе, писатель изображает внутренний мир своего героя через призму категорий «плоть», «неверие» и «грех». Таким образом, персонаж становится одним из, условно говоря, «аккордов» в теме общих грехов, искуплением которых и будет Куликовская битва.

Источники

Балашов 2015 – Балашов Д.М. Куликово поле. М., 2015.

Бородин 1976 – Бородин С.П. Дороги // Бородин С.П. Молниеносный Баязет. М., 1976. С. 505–541.

Бородин 1979 – Бородин С.П. Дмитрий Донской. М., 1979.

Лебедев 1991 – Лебедев В.А. Искупление. Л., 1991.

Полное собрание 1897 – Полное собрание русских летописей. СПб., 1897. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью.

Литература

Андреев 1962 – Андреев Ю.А. Русский советский исторический роман. 20–30-е гг. М., Л., 1962.

Андреева 2024 – Андреева Е.А. Скромный князь: Образ Михаила Ярославича Тверского в книге А. Иконникова-Галицкого «Святые и дурачок» // Проблемы художественной антропологии и литературной компаративистики: сбор-

– Ох, окаянные дети! – крякнул Кочевин-Олешинский с завистью. – Целой воз?» [Лебедев 1991, с. 30].

ник статей международной научной конференции / сост. Т.В. Швецова, С.А. Дулова; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. Электронные текстовые данные. Архангельск, 2024. С. 26–31.

Богданова 2023 – Богданова О.В. «Искупление» Василия Лебедева: национальное и государственное // Богданова О.В., Цветова Н.С. Эпох скрещенье... Русская проза 1960-х — 2020-х годов. СПб., 2023. С. 245–260.

Веселовский 1974 – Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские адреса, прозвища и фамилии. М., 1974.

Державина 1990 – Державина О.А. Древняя Русь в русской литературе XIX века. Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века. Пролог. Избранные тексты. М., 1990.

Евгеньева 1999 – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999. Т. 1.

Завьялова 2022 – Завьялова А.И. «Казанская история» в творчестве русских писателей второй половины XVIII – начала XIX вв.: дис. … канд. филол. наук. М., 2022.

Конюхов 1997 – Конюхов К.Р. Возвышение Москвы в русской романистике: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1997.

Кузьмин 2015 – Кузьмин А.В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служивой знати Северо-Восточной Руси в XIII– середине XV в. Т. 2. М., 2015.

Моисеева 1980 – Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980.

Пауткин 2015 – Пауткин А.А. Иван Грозный: Интермедиальность и трансформация образа // Сборник трудов памяти Николая Ивановича Либана. М., 2015. С. 166–173.

Пашуто 1963 – Пашуто В.Т. Средневековая Русь в советской художественной литературе // История СССР. 1963. № 1. С. 83–118.

Почекаев 2010 – Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб., 2010.

Прохоров 1976 – Прохоров Г.М. Летописная повесть о Митяе // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976. Т. 30. С. 238–254.

Прохоров 1978 – Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

Скрынников 1990 – Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л., 1990.

Тубылевич 2024 – Тубылевич Р.Е. Как воевода волхвом стал: образ Дмитрия Боброка в «Сказании о Мамаевом побоище» и русской литературе XIX–XX вв. // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2024. Вып. 4. С. 59–75.

THE CHARACTER OF YURI KOCHEVIN-OLESHINSKY IN V.A. LEBEDEV'S NOVEL "EXPIATION"

R.E. Tubylevich
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

This article continues the author's series of publications devoted to the reception of images and episodes from Old Russian literature in historical novels of the 1940s–1990s. Using the "Tale of Mityai" from the Russian chronicles the researcher turns to the image of the Dmitry Donskoy's boyarin – Yuri Vasilyevich Kochevin-Oleshinsky – and the its interpretation in the historical novel "Expiation" (1980) by the Leningrad writer V.A. Lebedev. The fact of the failure of the mission to elevate the protégé of the Moscow prince to the Russian metropolitanate, entrusted to the head of the embassy, as well as the tendentious (negative) images of the participants of this embassy in the chronicle "Tale of Mityai" largely influenced their interpretation in historical works and fiction of the 19th-20th centuries. In the historical novels "Dmitry Donskoy" (1941) by S. P. Borodin and "Holy Rus'" (1997) by D.M. Balashov, Kochevin-Oleshinsky becomes a minor character, whose guilt is explained by laziness and habituation to a comfortable life (Borodin), as well as class ambitions (Balashov). V. Lebedev, on the other hand, delves into the hero's inner world, illuminating it through the prism of the key motifs of his work – flesh, unbelief, and sin – which is conditioned by the very problematic of the socio-psychological novel.

Keywords: A.V. Lebedev, Expiation, historical novel, chronicle story "Tale of Mityai", Yuri Kochevin-Oleshinsky.